

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА

УДК 81.25;81'276.1

DOI 10.23951/1609-624X-2021-3-7-16

ЖАНР ВОСПОМИНАНИЯ В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АВСТРАЛИЙСКОЙ ВЕТВИ РУССКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ О ХАРБИНЕ)

А. С. Лаврина

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Представлены рассказы о Харбине русских реэмигрантов из Китая в Австралию в речевом жанре *воспоминание*. Необходимость анализа данных текстов обусловлена интересом современной лингвистики к говорящей личности и воплощаемым ею текстам, которые отражают уникальность личного и исторического опыта, в данном случае – опыта представителей русской реэмиграции из Китая в Австралию.

Цель – описать жанр *воспоминание* и особенности его лингвистической реализации в речи русских реэмигрантов из Китая в Австралию в XX в.

Материал и методы. Материалом исследования послужили записи интервью с русскими реэмигрантами из Китая в Австралию (10 интервью). В качестве основного метода был выбран метод лингвистического описания жанра *воспоминание* в речи с точки зрения его тематического и языкового своеобразия.

Результаты и обсуждение. Показано тематическое своеобразие рассказов о Харбине, обусловленное особенностями жизни русских эмигрантов в восточном зарубежье. В соответствии с этим выделены микротемы: русский облик Харбина, переселение в Харбин, русские и китайцы, японская оккупация в Харбине. Установлены жанровые особенности и языковая специфика. При анализе специфики рассказов о Харбине русских реэмигрантов из Китая в Австралию обнаружены типичные и специфичные признаки. Среди типичных отмечены следующие особенности: употребление глаголов прошедшего времени, использование в речи разговорной и нейтральной лексики и метатекстовых лексических единиц. Установлены специфичные языковые особенности рассказов о Харбине, воплощенные в жанре *воспоминание*, к которым относятся использование синтаксических средств и конструкций, свойственных письменной речи, употребление книжной, высокой, устаревшей лексики, а также собственно харбинской лексики и заимствований из китайского языка.

Заключение. Анализ рассказов о Харбине русских реэмигрантов из Китая в Австралию, воплощенных в речевом жанре *воспоминание*, позволил выявить их тематическое своеобразие, обусловленное особенностями жизни русских эмигрантов в восточном зарубежье, жанровую и языковую специфику.

Ключевые слова: русский язык, русский язык зарубежья, восточная ветвь русского зарубежья, речевые жанры, жанр воспоминания, собственно харбинская лексика.

Введение

Изучение речевых жанров является одним из направлений исследования разговорной речи и говорящей личности. Обращение к жанровой характеристике речи объясняется и главенствующим в современной лингвистике принципом антропоморфизма. История изучения речевых жанров началась с работы М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» [1]. Как отмечает М. М. Бахтин, «мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типическими формами построения целого. Мы обладаем богатым репертуаром устных (и письменных) речевых жанров» [1, с. 167]. В дальнейшем идеи М. М. Бахтина развивали Л. Г. Гынгазо-

ва [2], В. В. Дементьев [3], Т. А. Демешкина [4], Т. В. Шмелёва [5] и др.

Вслед за Т. В. Шмелевой под речевыми жанрами мы понимаем «модели, типы высказываний, объединенных единством тематического содержания, стиля и композиционного построения» [5, с. 10].

«Речевой жанр – это не конкретный текст, а модель построения текста» [6]. Однако в любой речевой модели есть свободы, которые позволяют «строить однотипные тексты по-разному, а также открывают простор для эволюции жанровой модели» [6].

М. М. Бахтин выделил первичные и вторичные речевые жанры [1, с. 168]. Первичные (или простые) речевые жанры проявляются «в условиях непосредственного речевого общения» [1, с. 168].

Например, приветствие, прощание, бытовой диалог. Вторичные речевые жанры «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения» [1, с. 168]. Это публицистические исследования, научные статьи, романы.

Жанр воспоминания – типичный для разговорной речи информативный первичный речевой жанр, имеющий ретроспективную направленность. «В речевой жанр воспоминания информанты облачают рассказы о событиях как своего прошлого, так и прошлого семьи, страны и других событий, косвенно касающиеся их жизни» [7, с. 17]. Учитывая этот факт, можно сделать вывод, что жанр воспоминания в речи эмигрантов имеет не только большую лингвистическую, но и историческую, культурную ценность.

Материал и методы

Цель данной статьи – рассмотреть жанр воспоминания и особенности его языковой реализации в речи русских реэмигрантов из Китая в Австралию в XX в.

Материалом для статьи послужили интервью, записанные в Австралии в 2013 г., взятые у русских, родившихся в Харбине, в семьях русских эмигрантов, и реэмигрировавших в Австралию в 40–60-е гг. XX в. – Николая Агишева, Ирины Леонидовны Аполлоновой, Николая Николаевича Заики, Зои Николаевны Кожевниковой, Виктора Михайловича Игнатенко, Адриана Павловича Лапардина, Игоря Казимировича Савицкого, Аллы Александровны Савицкой, Александра Сергеевича Хрипка, Никиты Львовича Чемодакова, Олега Черненко.

В качестве метода был выбран метод лингвистического описания жанра *воспоминание* в речи с точки зрения его тематического и языкового своеобразия.

Объект изучения – рассказы о Харбине русских реэмигрантов из Китая в Австралию, воплощенные в речевом жанре *воспоминание*.

Актуальность исследования определяется интересом современной науки к говорящей личности и продуцируемым ею текстам, отражающим уникальность личного и исторического опыта, в данном случае – опыта представителей русской эмиграции.

Результаты и обсуждение

В конце XIX – начале XX в. эмиграция из России становится массовым явлением. Это связано с изменением общественно-политической ситуации. Одним из центров русской эмиграции становится Харбин с зоной Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). КВЖД была построена на территории бывшей Маньчжурии в 1897–1903 гг. и находилась под контролем России [8, с. 73]. В связи с

этим первыми русскими поселенцами в Харбине были строители железной дороги и их семьи.

В 1922–1923 гг. после крушения белой армии в Забайкалье ее бойцы покинули российский Дальний Восток и устремились в Харбин – город с уже многотысячным русским населением. Таким образом, в 1897–1923 гг. была создана основа русского дальневосточного зарубежья [8, с. 121].

Переселенцам и эмигрантам в Харбине удалось создать и сохранять в течение долгого времени русский национальный уклад и обрести в Маньчжурии подобие жизни дореволюционной России.

Во второй половине XX в. начался массовый исход русских из Китая и из Харбина в частности. Было два пути: репатриация и реэмиграция в Америку, Австралию и Европу [9, с. 18].

Реэмиграция русских из Китая в Австралию на протяжении XX в. проходила в несколько волн [10, с. 182]. Первая волна пришлась на 1930-е гг. – период японской оккупации. Вторая волна – 1940-е гг., она была связана с многочисленными арестами русских эмигрантов после прихода советских войск в Харбин. Пик приезда в Австралию русских реэмигрантов из Китая пришелся на 1950-е гг. (третья волна). Это было время провозглашения китайским правительством лозунга «Азия – для азиатов». Эмигранты практически полностью покинули страну в этот период [11, с. 11].

Переселение в Австралию было непростым. Смена страны, континента, грядущая неизвестность нашли отражение в воспоминаниях русских переселенцев из Китая в Австралию:

Ну / Австралия встретила также / как и всех эмигрантов // Да // В декабре месяце знойной / зноем невыносимым / комарами // Конечно приветливо / но довольно / как вам сказать / жаловаться ни на что не приходилось // Папа с первых же дней устроился на работу / потом мама тут вслед за ним вышла // На иждивении у государства никогда не сидели / мы с сестрой поступили в школу // (З. Н. Кожевникова).

Это какой-то / странный / мир / какое-то / ну / даже / я бы не сказал что дикая страна / ну / очень странная / очень странная страна // Конечно / с одной стороны / вы знаете / я сейчас вам скажу / это будет смешно // Эм / меня встречали здесь друзья уже / мои соученики / которые приехали раньше // И вот / э / мы пр[ы]ехали / вот де сейчас вот Рахала стоит / рядом там был причал / в Улу-Мулу / вот мы там сошли на берег // Мой приятель / ну / пошли / пиво сразу купить // Ну / как же / интересно / знаете / пиво купить // Э / заходим / а то место было такое / рабочее-рабочее / портовое местечко / понимаете // И вот када / читал я вот эти все / книжки / как в О[дэ]сском порту / или где там / в каком-то там / в Рио-де-Жанейро / ещё

где // Вот эти вот / мулаты / ножи / и всё такое / да // И тут заходим / пьяные // Какой-то матрос / в дым пьяный* покупает этой аборигенке / пива // Она его кроет / со всех сторон // Я не понимал / спросил / они мне переводят // Я думаю / вот это да! Потом он бросает её на плечо / и куда-то идёт в кусты // Ну у меня такое / вот это / куда я попал / что это такое / вы понимаете / вот // Это вот первое впечатление об Австралии // (А. П. Лапардин).

На этом фоне воспоминания о Китае и Харбине у бывших русских харбинцев, переселившихся в Австралию, содержат ностальгические ноты. Китай и Харбин в их рассказах – это «русская родина», часть культуры и истории русского народа в эмиграции.

Воспоминания русских реэмигрантов из Харбина в Австралию затрагивают разные периоды их жизни, чаще всего это детство и юность. Прошлое с позиций настоящего времени представляется и оценивается эмигрантами по-разному:

В Харбинё было много / трагичных / потому что это было только начало эмиграции // Так же как у нас в семье / было очень много трагичных судеб // Э / у некоторых членов нашей семьи // Э / для некоторых / э / вся эмиграция оказалась / сплошной трагедией / это очень такое индивидуальное явление // Счас / конечно / было бы даже грешно говорить / какая это для нас трагедия // (З. Н. Кожевникова).

Короче говоря / значит / спрашивает меня один / ну / как вы тут жили? // Хорошо или плохо? // Я говорю / Хорошо жили / нормально / всё / всё было хорошо // А солдат один говорит / да но вот / мы слышали / вот / жаловались / говорит / люди / что притесняли тут / и всё такое / было не очень хорошо / и тяжело было жить // А один пожилой солдат / стоял так тоже это слушал / пожилой уже / и говорит / а этот мальчишка / тоже / молодой парень // Он говорит / чё ж ты спрашиваешь / маль / пацана / говорит // Первый раз услышали слово пацан / тоже / мы не знали этого слова // Что ж ты пацана-то спрашиваешь? Пацанам везде / говорит / хорошо // В любое время // И он был прав // (О. Черненко).

В речевом жанре воспоминания раскрываются темы, касающиеся как личной жизни русских реэмигрантов, так и масштабных социальных событий, происходивших не с ними, но имевших влияние на их жизнь [7, с. 23].

Центральной гипертемой, реализуемой в жанре воспоминания у русских реэмигрантов из Китая в Австралию, является тема «Харбин». Гипертема представлена множеством микротем. Отметим те, которые чаще встречаются в речи реэмигрантов.

Одной из микротем, реализуемых в рассказах в жанре воспоминания у русских реэмигрантов из

Китая в Австралию, является тема «Русский облик Харбина». Харбин – город, в котором была создана инфраструктура по типу российской, включавшая русские учебные заведения, церкви, газеты, театры, общественные организации и т. п. «В течение нескольких десятилетий Харбин оставался „русским островом“ в Китае» [9, с. 751]. Русскими эмигрантами Харбин воспринимался как часть России:

Но мои воспоминания такие / что / я даже знаю / многих вот / так / пожилых людей / которые прожили / родились в Харбинё / прожили всю жизнь в Харбинё / а по-китайски / так и не научились говорить // Потому [ш]о не было нужды // Всё было по... по-русски / храмы / учреждения были / э ... русские // Даже тот же Чурун / э / большой / так сказать / тор[з]овый центр был тоже русский // (Н. Л. Чемодаков).

Ну / я вам скажу так / душа-то русская / да? // А сердце всё равно вы Харбинё // Слушайте / Харбин / это // Вы меня т[о]лько извините / уж если меня понесёт говорить / я буду говорить // <...> Такого города не было и ник[а]да не будет // Потому что мы / харбинцы // Я горжусь этим словом / харбинцы / да? // Среди нас тоже сволочи есть / встречаются / не так много / но всё равно есть паразиты / которые там с японцами чикались вместе // Потом стучали не тому / кому надо было // Были такие / были // А харбинцы / это абсолютно уникальный народ // (Н. Н. Заика).

Микротема «Переселение в Харбин» является одной из главных тем в рассказах-воспоминаниях о русском Харбине. Все информанты – потомки переселенцев в Китай во втором-третьем поколениях. Они рассказывают о переезде со слов своих родителей и других родственников:

Ну / скажем так / не... ну / понимаете / я / я / человек / рождённый / это / второго поколения / в Китае // Так? Мои / э / родители моей мамы / они приехали туда где-то в середине / э / наверное / где-то / может быть / вскорости после окончания русско-японской войны / значит / девятьсот пятый / шестой / наверное / год // Мой дед был железнодорожник // И конечно же / они приехали / туда // Там в то время туда приезжало много народу / потому что / э / в то время / э / правительство России / это старое / строило железную дорогу / и уже эксплуатировало её // (Н. А. Агишев).

А / значит тут история такая / что / дед со стороны матери / приехал в Харбин в тысяча восемьсот девяносто восьмом году // С Украины / с Екатеринославской губернии / теперешняя Днепропетровская область // Значит / тогда / давали большие деньги / уже потому что Украина начала перенаселяться // Поэтому / значит были предложены / предложения ехать в Уссурийский край / Приморский край / Хабаровский край и в

Маньчжурию // Т[а]да впервые наверно открыли Манчжурию // Давали большие подъемные // И вот он / со своим отцом / уже к тому времени его матери по-моему не было в живых / со своим отцом / женой / и с дочерью / вот вчетвером они приехали в Харбин // А / м... моя / в девяносто восьмом // Видимо значит / бабка моя / уже была наверно беременна / может быть // Почему? // Потому [ш]о в девяносто девятом году родилась моя мать в Харбине // Она наверно была одна из первых харбинок // Вот // Так что я второго поколения харбинец / можно сказать со стороны матери // (О. Черненко).

Это конечно всё связано с революцией / как вы знаете // Очень многие русские бежали / кто куда мог // А поскольку / дед мой как раз был в командировке / в Чите // И там мой отец родился / в годы революции // Э / то / ну / ближайшее / так сказать / место / куда можно было бежать / это был Китай конечно / туда они и уехали // А вот бабушка / прабабушка моя / я до сих пор точнее не мог / не смог узнать / как / почему она попала в Китай из Петергофа // Вот / но и знаю / что бабушка уже / замуж вышла в Ки / в Харбине // Дедушка был тоже из Петергофа / но их уже нету [ш]об спросить / вот беда // Я себя / часто ругаю / что не интересовался тем / чем нужно было интересоваться / когда был молодой // (Н. Л. Чемодаков).

Характерной чертой Харбина являлась «чрезвычайная пестрота» состава населения города – здесь были представлены выходцы из Российской империи, а также значительное число китайцев [9, с. 751]. Китайцы работали на КВЖД, а также находили заработки, устраиваясь прислугой и снабжая город продовольствием. Микротема «Русские и китайцы» также представлена в речи русских реэмигрантов из Китая в Австралию:

Э-эн / обычно ничего они / не выбрасывалось / знаете / всё ремонтировалось // Если кастрюля продырявится / то её не выбрасывали / не покупали новую / а обычно чинили // Вот / да / да // И были такие специальные / специальные / китайцы / которые знали может там несколько слов по ... по-русски / но это их / так сказать / им помогало / эм ... бизнес делать // Вот был такой / я помню / у него была такая тележка китайская / на / на двух колесах / там были паяльники всякие / знаете / молотки / заклёпки // И вот он по русским районам / идёт и так распеваёт // Па-яй / па-яй / знаете / от слова паять // И все знают / что это паяльщик / который вам кастрюлю починит // (Н. Л. Чемодаков).

Вот скажем к[а]да мне там пять / шесть лет / я утром или днём значит там капризничаю / не хочу есть ничего / то мать мне говорит / не хочешь вот это есть / отправим тебя вот китайцам // А там значит / где мы жили в Затоне вот / там деревушка такая рядом была / где жили ло-

дочки китайские / которы / у моста / моста же не было тогда ещё / который счас построен // То / значит она говорит / вот я отправлю китайцам / будешь там чумизу кушать / раз не хочешь вот эту еду есть // Вот так вот // Так что нет // (О. Черненко).

Оккупация Маньчжурии Японией в 1937–1945 гг. внесла существенные изменения в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь российской эмиграции. Во время японской оккупации русские эмигранты в Харбине столкнулись со сложностями: все эмигрантские организации могли осуществлять деятельность с разрешения японских администраций, были закрыты русскоязычные высшие учебные заведения в Харбине [12, с. 22]. Микротема «Японская оккупация в Харбине» часто встречается в речи русских реэмигрантов из Китая в Австралию:

Один русский / этот самый / рабочий / он / она / Татьяна Ива[нн]а / говорила / он / говорит / был красавец / просто богатырь // Работал там / чё-то / у японцев ну / на дороге // А потом / к[а]да всё было закончено / был банкет / и вот японцы сидели / и он сидел // И вот за столом / сидели японцы и он с другой стороны // Короче говоря / японцы сказали / что вы русские свиньи // А эт / а этот дядя молодой / перевернул стол и начал бить этих / короче говоря / он избил восемь человек // И так избил / что приехал генерал / расследовать это дело // И генерал попросил / чтоб привели этого / этого русского / да // И / и он / он генералу понравился / и генерал его отпус / не тронул // (Н. Н. Заика).

С детства у меня / эп самое / очень яркое воспоминание / это / как вам сказать / э / начало войны / когда японс[кы] / японцы организовывали / с / так называемую / самооборону / э / мы жили как раз / ы / на улице / напротив которой были казармы / японские / и вот они там устроили / пожарные учения // Я помню как / всех заставляли / э / наших родителей / лезть по лестнице / с этими / с ведрами воды / тушить / эти вот / зажигательные бомбы // Ну вот / почему-то / у меня вот осталось это очень впечатление // (А. С. Хрипко).

Спустя долгие годы проживания в Австралии тема Харбина остается важной для информантов. Анализ тематической организации речи позволил выявить актуальные микротемы для русских реэмигрантов из Китая в Австралию, а также отношение реэмигрантов к определенным культурным и историческим явлениям русского Харбина.

Я. В. Мызникова [13] выделяет три типа повествования с учетом участия информанта в описываемых им событиях: объективный (обобщенный, опирающийся на опыт окружающих), субъективно-ситуативный (опирающийся на события, в которых участвовал непосредственно информант), сме-

шанный (объединяющий в одном речевом отрывке объективный и субъективно-ситуативный типы повествования). В речи русских реэмигрантов из Китая в Австралию встречаются все три типа повествования.

1. Объективный:

Национальный вопрос / особенно антисемитизм / коне[ин]о / присутствовал и до / до этого // А он присутствовал / и / так сказать / вот именно антисемитизм // Против каких-то других там / скажем / армян / грузин / не / они были все / они все считались русскими // Потому что ими также управляло Бюро // И евреями / и все // Но всё равно / вот например / было / а / коммерческое училище / да / как раз в здании / где советский клуб // На втором этаже // Это было / считалось еврейской школой // Не было официально / там и русские учились / но там было очень много евреев // Потому что на Пристани вообще было много евреев / жило // И поэтому коне[ин]о вот такой / а / ну вот это еврейская школа! // Так вот говорили там / да // (О. Черненко).

2. Субъективно-ситуативный:

Вот тут вот / охота / рыбалка / которые / привили / привилась мне с детства / любо[в] к природе / вот как-то // Такие вот у меня / э / воспоминания // Потом я уже охотился и / и сам // Уже с / с двенадцати лет / уже / так / если за / если уже отец / где-то работает / за городом / на какой-то насосной станции / или что-[нит'] такое / я в воскресенье приехал туда / то я уже сам / брал / двустолку и шёл // (И. К. Савицкий).

А следующее у меня было очень / следующее из / самое яркое впечатление / когда в Харбин пришли конверский / амурский / флотилии // Я на баке / с матросами кушал борщ // Мне было четыре [х]ода / я это очень помню / очень помню хорошо // (А. С. Хрипка).

3. Смешанный:

Во-первых нас вытесняли / пр[ы] том / вытесняли планомерно / и очень жёстко // Э-эм / вот / если вы / бу[и]те разговаривать / вот / с Виктором / Михайл[ы]чем // Э / этот выпуск / школьный / был последний / кого взяли / [вэ] / институт / или в университет Китая // Для нас / русских / э / все высшие учебные заведения были закрыты / категорически // Э / мы не могли поступить никуда // Э / единственное / что мы могли / сделать / это / э-эм / общество советских граждан / была такая организация в Харбинё / организовывала различные курсы // И я параллельно с десятым классом закончил / курсы / э / чертёжников машиностроения / и / э / строительные // Теперь / я также закончил / э / механические курсы // Все старались / схватить хоть что-то / какую-то к[с]у]алификацию / э / чтобы / как-то утвердиться в жизни // Несколько человек с нашего

класса / э / пр[ы]подавали русский язык // Но / пр[ы] подавать русский язык / это коне[чн]о дело временное / китайцам // А самое главное / что это тебе даёт в жизни? // Поэтому нужно / так как мы уезжали в Австралию / за границу // (А. П. Лапардин).

А в тридцать втором году / он / я т[о]ка с рассказов отца говорю // Он шёл по улице / и к нему / мимо проходил человек / и говорит / Сергей / исчезай / тебя [с'о]дня берут // А этот человек / оказ[ы]тся работал / в така / в то время ЧК / помоему было // Ну и Сергей конечно зашёл к брату / и говорит / слушай / вот такое дело / давай отсюда сматываться // А он / а брат сказал / слушай / я тут стока народу кормлю / у нас такой тут бизнес / это всё ерунда / ты не паникуй / я никуда не пойду // А / кстати они / были богатые к тому же / в то время / во времена поди заработали большие деньги / тут же рыба / это же золото // Ну и вот / он / отец / не заходя домой / да сел на поезд / доехал до границы / там у них была дача / потом там переночевал / нашёл проводника // (А. С. Хрипка).

Чаще всего в рассказах эмигрантов встречается смешанный тип повествования, что связано с темами воспоминаний, поднимая которые, информанты не могли апеллировать только к личному опыту, а обращались (чаще всего) к опыту своих родственников, вспоминая об эмиграции в Харбин. В связи с этим информанты часто не являлись источником воспоминаний, а пересказывали события, о которых им поведали третьи лица.

Жанр воспоминания имеет особенности языкового воплощения. В рассказах-воспоминаниях русских реэмигрантов из Китая в Австралию встречаются как типичные для этого речевого жанра языковые особенности, так и специфичные. Укажем на типичные особенности проанализированных рассказов-воспоминаний.

Жанр воспоминания – ретроспективно направленный жанр, поэтому «при характеристике воспоминания особую значимость приобретают видо-временные параметры высказывания как вид актуализационных категорий» [8, с. 103]. Описываемые информантами события отнесены в прошлое. Одним из способов репрезентации прошлого является использование информантом глаголов в форме прошедшего времени.

Я жил / [вэ] / старом Харбинё / в начале // Нет / это старый Харбин // Старый Харбин / это первый Харбин / станция / был старый Харбин // Там прожили до сорок пятого года // (А. П. Лапардин).

Значит / тогда / давали большие деньги / уже потому что Украина начинала перенаселяться // (О. Черненко).

Када пришла красная армия / отец её / естественно / убежал / и / и / счас недавно / он умер // (В. М. Игнатенко).

«В воспоминаниях, где ведущим признаком повествования является ретроспективный показ событий, прошлое и настоящее осмысливаются как единое целое» [14, с. 160]. Рассказывая о жизни в Харбине, реэмигранты также употребляют в речи глаголы настоящего времени в значении прошедшего:

*Само главное / значит / э / ты[щ]а девятьсот десятый год / село Ярославка / значит / **рождается** мать / моя мать // Потом / начит / через два года **рождается** / э / брат / Серафим / и / потом ещё уже / в семнадцатом году **рождается** / вторая значит / мамина сестра / Евгения // (А. С. Хрипко).*

*Вот был такой / я помню / у него была такая тележка китайская / на / на двух колесах / там были паяльники всякие / молотки / заклёпки // И вот он по русским районам / идёт и так **распевает** // (Н. Л. Чемодаков).*

Информанты нередко воспроизводят чужие реплики в своей речи, вспоминая события прошлого. Глаголы настоящего и будущего времени, а также глаголы повелительного наклонения употребляются при передаче информантом чужой прямой речи:

*Слушайте / снимал меня Мосфильм / и тоже говорил / мы те[а] **будем снимать** / только про Харбин ничё не говори // (Н. Н. Заика).*

*Он шёл по улице / и к нему / мимо проходил человек / и говорит / Сергей / **исчезай** / тебя [с'о]дня берут // А этот человек / оказ[ы]лся работал / в нрзбр / в то время ЧК / по-моему было // (А. С. Хрипко).*

*Она говорит / что / обязательно пожалуйста **приходи** ко мне / меня **навещай** // (И. Л. Аполлонова).*

Чужая прямая речь часто не подвергается обработке со стороны информанта и полностью имитирует речь источника, например, русскую речь китайца. Соответственно, при ее передаче встречается намеренно неправильное употребление форм глаголов:

*Был другой / специалист по зонтикам // Зонтики е[с'и] помните / в Китае / е[с'и] вы были в Китае / помните / такие провощённые были зонтики / деревянные / ну которые / конечно / очень легко ломались // И был такой другой специалист / который та... / также развезжал со своей тележкой там с / с инструментами / и выкрикивал / зонтика **починяй** / зонтика **починяй** // (Ю. Киволуцкий).*

Жанру воспоминания в устной форме свойственны особенности синтаксиса разговорной речи. Так, встречается нарушение порядка слов:

Когда пришли японцы / то всех железнодорожников русских выселили / дома разделили пополам / и там жили японцы» (А. П. Лапардин).

Эх / как мне неоднократно приходилось слышать от папы / с ранних лет / для него / э / отъезд из России / э / отъезд из любимого города / о котором он говорил всегда с какой-то особой любовью // (З. Н. Кожевникова).

Встречаются в речи информантов и эллиптические конструкции.

Например / ну были некоторые безобидные / В здоровом теле – здоровый дух / там что-то ещё // (О. Черненко).

Рассказывая о событиях прошлого, наши информанты не только информируют о них, но и выражают оценку этих событий. Свои личные переживания и отношение к происходящему русские реэмигранты из Харбина в Австралию часто выражали через употребление в речи восклицательных предложений.

И меня тянуло / что за такое // К сцене! // (Ю. Киволуцкий).

Знаешь что / ты её сожги / выбрось / никому не показывай! // (О. Черненко).

О да! // Она рассказывала / как они купались в реке // (И. Л. Аполлонова).

Для рассказов в жанре воспоминания характерно использование преимущественно разговорной и нейтральной лексики [15, с. 172]. В рассказах-воспоминаниях русских реэмигрантов из Китая в Австралию также встречается разговорная лексика: *чуточка* [16], *стопроцентный* (в знач. полный, разг.) [16], *свинья* (о плохом человеке, разг. бран.) [16].

Просторечная лексика также используется, но редко: *нету, до лампочки* [16], *ихний, починяй, липа* (в знач. неправда, простореч. вульг.) [16].

Зачастую в текстах жанра воспоминания встречаются противопоставления временных пластов, что оформляется лексически [13, с. 67]. Используются лексические маркеры *тогда, раньше, прежде, теперь, сейчас*:

*Вы знаете / был период / особенно / до падения коммунизма / когда / информация доходила не так легко / и в основном её можно было только получить через как бы советские / представительства // Мы старались **тогда** / ну из-за политических соображений близко не соприкоснуться // Тогда действительно не хватало / **счас** этой проблемы нет // И если кто хочет достать информацию / всё **счас** можно достать // Так что и **счас** это / э / этого именно / информационного голода о России нет уже / потому что всё есть и всё доступно // (З. Н. Кожевникова).*

Жанрообразующим элементом воспоминания являются метатекстовые лексические единицы *помнить, не помнить, на памяти* [8, с. 102].

*Когда **помню** бабушка рассказывала эти кошмары / то мы / детьми / мы не понимали / что-то такое // Мы полностью осознали уже будучи в Австралии / будучи более взрослыми / и когда стали читать / и углубляться в настоящую историю // (З. Н. Кожевникова).*

***Помню** / один раз подстрелил / двух фазанов / бекаса / и вдруг выскочила степная рысь // И я её*

тоже подбил / но ранил / и она побежала / и к / и / к дороге / а там китайцы или / а я пацан / может быть даже и не имел права с / с ружьём там / без разрешения так ходить // Поэтому я её / т[о]ка изда- лека посмотрел / что они-то её подобрали / а я нет // Но / эти два / двух фазанов и одного бекаса мне та- щить пришлось их обратно // Где вот отец работал / я не **помню** ск[о]ко километров было / но тоже было тяжело / я **помню** // Вот почему-то так вот это **запомнилось** это время // (И. К. Савицкий).

Отметим специфические особенности реализа- ции жанра воспоминания в речи русских реэмигрантов из Китая в Австралию.

Особенностью рассказов-воспоминаний рус- ских реэмигрантов стало сочетание книжных и разговорных синтаксических средств в одном ре- чевом отрезке.

Они здесь рождённые / выросшие / закончив- шие здесь школу / у них конечно это всё идёт по- английски // Но общаются / в особенности со мною / с бабушкой / всегда только по-русски // (З. Н. Кожевникова).

В данном отрывке используются причастные обороты, что является характерной приметой пись- менной речи, прежде всего – официально-делового и научного стиля.

Нетипично для рассказов-воспоминаний употре- бление книжной и высокой лексики [8, с. 101]. Одна- ко в речи наших информантов она встречается часто: чуждо (в знач. лишено чего-н., какого-н. свойства, книжн.) [16], держава [16], скончаться [16].

В рассказах-воспоминаниях встречается уста- ревшая с точки зрения носителя современного рус- ского языка лексика: *лихолетье* [16], *нужда* (в знач. потребность, устар.) [16], *сподобить* [16]. Ее употребление обусловлено тем, что «устаре- шие для метрополии языковые средства выступа- ют как знаки, меты русского эмигрантского бытия в восточном зарубежье, особенностей его миро- ощущения и демонстрирует связь с родиной – ста- рой Россией» [17, с. 126].

Употребление собственно харбинской лекси- ки – еще одна специфическая особенность расска- зов-воспоминаний русских реэмигрантов из Китая в Австралию. Это лексические единицы, которые использовались только в русском языке восточного зарубежья [17, с. 150]. В состав собственно хар- бинской лексики, по мнению Е. А. Оглезневой, входят несколько лексических групп: 1) языковые единицы с новым семантическим наполнением; 2) языковые единицы, возникшие для обозначения новых реалий при помощи словообразовательных средств русского языка; 3) заимствования из вос- точных языков и 4) «топонимические и микропо- нимические наименования, созданные по русским ономастическим моделям» [17, с. 151].

Приведем примеры из проанализированных рассказов-воспоминаний:

Вы знаете / я давно пр[ы]шёл / э / к мысли и твёрдому убеждению / что у каждого / эм / поко- ления / може быть / в с ра / разница в пять лет **харбинцев** / своё восприятие мира / своё восприя- тие Харбинà // (А. П. Лапардин).

Э / ну / самый худший пример / был / это когда пришла / э / входила в Харбин / красная армия / и / останки / остатки японцев / ещё там / уже не знали что им делать / разбежались / то молодёжь / **харбинская** русская / устроила / самооборону что ли // (И. К. Савицкий).

Харбинка // Вот / интересно как мы с ней встре / в Харбинé знали друг друга // (А. С. Хрипко).

И / японск[кы] язык / поскольку / в это время была японская / помните / то / пришлось учить / японск[кы] / это / была **маньчжу ди гоу** / пом / помните / и / но / счас гражданин Австралии // (Ю. Киволуцкий).

Уже такого / как говорится / политического ну / но видите / до конца / до самого сорок пятого / и потом были же группы / так называемых старо- советских / которые держи / даже при японцах были люди / э / которые были советскими гражда- нами // **Советскоподданными** / как их называли // Конеш[ин]о / против них были всякие / репрессий не было / но / так сказать // (О. Черненко).

Но чехов было мало / поляков было очень много в Харбинé // У них даже два костёла было / ру / шко- ла своя была / **господопольская** // (О. Черненко).

Мой дядя старший / это Григорий / который закончил вот этот Политехнический институт / **ХПИ** [хэпэи] / наш / инженер был // Он туда уехал в тридцать пятом году // (В. М. Игнатенко).

Одним из проявлений взаимодействия разных языков являются, как известно, лексические заим- ствования. В рассказах-воспоминаниях наших ин- формантов встречаются заимствования из китай- ского языка, использование которых обусловлено длительным существованием русских эмигрантов в Китае в китаеязычной языковой среде.

Счас живут // И он нам говорит / ну я счас **дуньши** соберу / и мы поедём / понимаете? // И я вспомнила / мы тоже так употребляли это слово // **Дуньши** / ну ве[шч]и соберу / так что в какой стране жи / живёте вы какие-то слова / так это / набираете в язык // (А. А. Савицкая).

Уже понятно / куда надо ехать // И писать / такие были письма / да // Вот // Другой значит пи- шет // Ну / тут живём хорошо / мы в колхозе / нас тут устроили / вот / ну / передайте привет тому- то / тому-то / тому-то / и особый большой при- вет / э / нашему китайскому другу **Чефан** Ивано- вичу **Мэ Йоу** // **Чефан** / это еда // **Мэ йоу** / нету // Значит **Чефан** Ивановичу **Мэ Йоу** / жрать тут нечего // (О. Черненко).

Заключение

Высокий статус русского языка в Харбине способствовал его сохранности, устойчивости в плане лексического влияния другого языка – китайского, несмотря на десятки лет существования в среде носителей этого языка. Это обусловило нечастотность китайских заимствований в речи русских реэмигрантов из Китая в Австралию.

Как показал исследуемый материал, в рассказах-воспоминаниях русских реэмигрантов из Китая в Австралию имеются как типичные особенности этого жанра, так и специфичные. К числу типичных отнесем следующие: употребление глаголов прошедшего времени, использование в речи разговорной и нейтральной лексики, метатекстовых лексических единиц.

К числу нетипичных, специфичных для рассказов-воспоминаний особенностей в речи наших ин-

формантов относятся такие, как использование синтаксических конструкций, свойственных письменной речи, употребление книжной, высокой и устаревшей лексики, а также собственно харбинской лексики и заимствований из китайского языка. Использование этих единиц отражает специфику эмигрантской жизни в восточном зарубежье до реэмиграции в Австралию.

Таким образом, анализ рассказов-воспоминаний о Харбине, записанных от русских реэмигрантов из Китая в Австралию, демонстрирует их тематическое своеобразие, обусловленное особенностями жизни русских эмигрантов в восточном зарубежье, жанровые особенности и языковую специфику.

Переосмысление своего прошлого в контексте настоящего русскими реэмигрантами имеет не только языковую, но и историко-культурную ценность.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 159–260.
2. Гынгазова Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы Всероссийской науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167–174.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 340 с.
4. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
5. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. 1990. № 2. С. 20–32.
6. Покровская Е. А., Дудкина Н. В., Кудинова Е. В. Речевые жанры в диалоге культур. Ростов н/Д: Foundation, 2011. 200 с.
7. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
8. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М.: Русская панорама, 2005. 430 с.
9. Кротова М. В. Феномен Харбина как полифоничного города // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2019. № 2. С. 749–785.
10. Кравцов А. Н. Русская Австралия. М.: Вече, 2011. 304 с.
11. Анцыпова А. Н. Язык русского зарубежья в Австралии. Лексико-грамматический аспект (на материале письменных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 20 с.
12. Василенко Н. А. Российская эмиграция в Маньчжурии накануне и в годы войны // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 20–25.
13. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.
14. Кормазина О. П. Жанр воспоминания в живой речи приморцев: к вопросу о возможности варьирования // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2014. № 11. С. 156–162.
15. Кормазина О. П. Воспоминание как жанр разговорной речи: к проблеме типологии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. С. 172–180.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 14.10.2020).
17. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.

Лаврина Анастасия Сергеевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).
E-mail: anastasia.potapova1991@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24.10.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-3-7-16

REMINISCENCES GENRE IN THE SPEECH OF THE REPRESENTATIVES OF THE AUSTRALIAN BRANCH OF THE RUSSIAN EASTERN EMIGRATION (AS EXEMPLIFIED IN THE STORIES ABOUT HARBIN)

A. S. Lavrina

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The paper presents the stories about Harbin told by Russian re-emigrants from China to Australia in the speech genre “Reminiscences”. The need to analyse these texts arises from the interest of modern linguistics in the speaking personality and the texts this personality produces. The texts reflect the unique personal and historical experience. In this case study they reflect the experiences of Russian re-emigrants from China to Australia. The purpose of the article is to describe the reminiscence genre and its linguistic implementation in the speech of Russian re-emigrants, who came from China to Australia in the 20th century.

Material and methods. The research is based on the study of the recorded interviews with Russian re-emigrants from China to Australia (10 interviews). The method of linguistic description of the «Reminiscences» genre was used as the main method to analyse their speech from the point of view of its thematic and linguistic distinctiveness.

Results and discussion. The paper presents the thematic originality of stories about Harbin, determined by the particular lifestyle of Russian eastern emigration. A number of micro-themes have been identified in the framework of the study: The Russian appearance of Harbin, resettlement to Harbin, Russians and Chinese, Japanese occupation of Harbin. Genre features and linguistic specificities have been determined. The analysis of the Russian re-emigrants’ stories about Harbin made it possible to identify some typical and specific features. Among the typical features are: the use of past-tense verbs, the use of spoken and neutral vocabulary and metatext lexical units. The specific features of the stories about Harbin, embodied in the «Reminiscences» genre, have been determined. They include the use of syntactic means and structures characteristic of written speech, the use of bookish, high-flown and obsolete vocabulary, as well as Harbin vocabulary and borrowings from the Chinese language.

Conclusion. Recorded reminiscence-stories of Russian re-emigrants about Harbin, demonstrate thematic originality, determined by the particular lifestyle of Russian eastern emigration, genre features and linguistic specifics.

Keywords: *The Russian language, the Russian language abroad, eastern branch of the Russian emigration, speech genres, reminiscence genre, Harbin vocabulary proper.*

References

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh* [Collection of Works]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1997. Vol. 5. Pp. 159–260 (in Russian).
2. Gyngazova L. G. O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale yazyka lichnosti) [About reminiscence speech genre (on the material of a personality language)]. *Aktual'nye napravleniya funktsional'noy lingvistiki. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka»* [Current Trends in Functional Linguistics. Proceedings of the National Scientific Conference “Linguistic Situation in Russia in the End of the 20th Century”]. Tomsk, 2001, pp. 167–174 (in Russian).
3. Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of the Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 340 p. (in Russian).
4. Demeshkina T. A. *Teoriya dialektnogo vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [Theory of Vernacular Utterance]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2000. 190 p. (in Russian).
5. Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Speech Genre. Possibilities for Description and Use in Language Teaching]. *Russistik. Nauchnyy zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka* [Russistik. Research Journal on the Current Issues of Teaching the Russian Language]. Berlin, 1990, no. 2, pp. 20–32 (in Russian).
6. Pokrovskaya E. A., Dudkina N.V., Kudinova E.V. *Rechevye zhanry v dialoge kul'tur* [Speech Genres in the Dialogue of Cultures]. Rostov-On-Don, Foundation Publ., 2011. 200 p. (in Russian).
7. Voloshina S. V., Demeshkina T. A. Miromodeliruyushchiy potentsial rechevogo zhanra (na materiale dialektnoy rechi) [World-shaping Capacity of the Speech Genre (based on the dialects research)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3, pp. 14–20 (in Russian).
8. Ablova N. E. *KVZHD i rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: mezhdunarodnye i politicheskiye aspekty istorii (pervaya polovina XX veka)* [Chinese Eastern Railway and Russian Emigration in China: International and Political Aspects of History (the first half of the 20th Century)]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005. 430 p. (in Russian).
9. Krotova M. V. Fenomen Kharbina kak polifonichnogo goroda [Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City]. *Zhurnal regional'noy istorii – Historia provinciae*, 2019, no. 2, pp. 749–785 (in Russian).
10. Kravtsov A. N. *Russkaya Avstraliya* [Russian Australia]. Moscow, Veche Publ., 2011. 304 p. (in Russian).
11. Antsyupova A. N. *Yazyk russkogo zarubezhya v Avstralii. Leksiko-grammaticheskiy aspekt (na materiale pis'mennykh tekstov). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The Language of Russian Emigration in Australia. Lexical and Grammatical Aspect (based on written texts). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Barnaul, 2005. 20 p. (in Russian).

12. Vasilenko N. A. Rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii nakanune i v gody voyny [Russian Emigration in Manchuria before and during the War]. *Rossiia i ATR – Russia and the Pacific*, 2005, no. 2, pp. 20–25 (in Russian).
13. Myznikova Ya. V. Kommunikativnye osobennosti dialektного rechevogo zhanra «Rasskaz-vospominaniye» [Communicative Characteristics of Dialectal Speech Genre “Reminiscence-story”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2014, no. 4 (28), pp. 66–72 (in Russian).
14. Kormazina O. P. Zhanr vospominaniya v zhivoy rechi primortsev: k voprosu o vozmozhnosti varyirovaniya [Reminiscence Genre in the Speech of the Primorsky Territory Residents: Revisiting Variation Possibilities]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*, 2014, no. 11, pp. 156–162 (in Russian).
15. Kormazina O. P. Vospominaniye kak zhanr razgovornoy rechi: k probleme tipologii [Reminiscence as a Colloquial Speech Genre: on the Problem of Typology]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*, 2014, no. 2, pp. 172–180 (in Russian).
16. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language] (in Russian). URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 14 October 2020).
17. Oglezneva E. A. *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezhiye (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian Language of Eastern Emigration (Based on Russian Speech in Harbin)]. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2009. 352 p. (in Russian).

Lavrina A. S., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (prosp. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

E-mail: anastasia.potapova1991@yandex.ru